

А. С. Семенова

«А Я, МАЛЬЧИК, НА ЧУЖБИНЕ ПОЗАБЫТ ОТ ЛЮДЕЙ»: АВТОРЕФЕРЕНТНЫЕ НОМИНАЦИИ В НЕОБРЯДОВЫХ ПЕСНЯХ

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Современные полевые записи фольклорных песен позволяют сопоставить сведения о том или ином исполнителе фольклорных песен и базовые характеристики субъекта речи, эксплицированного на уровне песенного текста. К таким характеристикам относятся пол, возрастная категория, количество исполнителей. Обращение к полевым данным показало, что поющий и субъект речи, эксплицированный в песенном тексте, по указанным параметрам могут не совпадать. Такого рода несовпадения становятся очевидными в песнях, в которых присутствуют автореферентные номинации, т. е. номинации, относимые говорящим к самому себе. Отнесенность автономинации к поющему заставляет обращать на них особое внимание при исследовании прагматики исполнения фольклорных песен. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: фольклорные песни, необрядовые песни, автореферентные номинации, исполнитель, индивидуальный репертуар, общие места, прагматика.

“A JA, MAL’CHIK, NA CHUZHVBINE POZABYT OT L’UDEJ”:
SELF-NOMINATIONS IN NON-RITUAL SONGS

A. S. Semenova

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Modern field recordings of folk songs allow to compare information about a singer of folk songs with the basic characteristics of a speaker which is explicated in the lyrics. These characteristics are quantity, gender, and age category. The field data shows that the singer and the subject of the speech explicated in the lyrics may be different. The difference becomes apparent in the songs with self-nominations, i.e. nominations that a singer refers to himself. The fact that self-nominations refer to the speaker draws special attention in the study of the pragmatics of folk songs performance. Refs 9.

Keywords: folk songs, non-ritual songs, self-nominations, singer, individual repertoire, loci communes, pragmatics.

Песенный фольклор как объект изучения хорошо освоен отечественными учеными, однако вопрос об актуальном для носителей культуры содержании фольклорных песен находится на периферии исследовательского интереса.

Поскольку исполнение фольклорной песни является воспроизведением «чужой речи»¹, поющий и субъект речи, эксплицированный в песенном тексте, могут не совпадать по таким параметрам, как количество, пол, возрастная категория. Подобные несовпадения становятся очевидными в песнях, в которых присутствуют автореферентные номинации², т. е. номинации, относимые говорящим к самому себе [Языковая номинация, с. 204].

В данной статье на материале современных полевых записей³ будет показано, как на практике соотносятся половозрастные определения, используемые в авто-

¹ «Фольклорные тексты суть... в какой-то мере чужие для воспроизводящего: они уже были до него, он их повторяет» [Адоньева, с. 54].

² Далее для краткости будет использоваться термин «автономинация».

³ Исследование выполнено на материале архангельского собрания цифрового фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета (далее — ФА СПбГУ). Ежегодные

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

номинациях, и базовые характеристики исполнителей песен. Отнесенность автономинаций к поющему заставляет обращать на них особое внимание при исследовании прагматики исполнения фольклорных песен⁴.

В текстах необрядовых песен⁵ можно выделить три типовые лексико-грамматических конструкции, выступающие в роли автономинаций: местоимение 1-го лица + определение-приложение (*я, мальчик*); глагол в форме 1-го лица + определение-приложение (*послушаю, девушка*); местоимение 1-го лица + предикат (*я была девушка красива*).

В состав автономинаций, выявленных в необрядовых песнях, входят такие слова и словосочетания, как: *девица, красна девица, девка, красна девка, девка бравая, девушка, красна девушка, млада девушка, бедна девушка, честна девушка, млада, молода, молодая, младешенька, млада-младешенька, жона мужняя, баба пьяная, родная мать, парень, парень молодой, парень бравый, молодец, мальчик, мальчишка-парень, парнишка, молодчик, лихой казак, ребятаушки, горюищица, сирота, бедная сиротка, сиротина, бедна крестьянка, девушка красива, кругла сиротинка, грешна, девчонка беспечная* и др.

Некоторые лексемы из приведенного списка совпадают с номенклатурой классов половозрастной системы севернорусской деревни конца XIX — начала XX в. (*девка/девушка, молодка/молодая, баба, парень, мужик*) [Олсон, Адоньева]. Более высокие в статусной иерархии классы (*большуха, большак, старуха, старик*) в качестве песенных автономинаций не встречаются. При этом старики мужа фигурируют в необрядовых песнях как персонажи, часто с уничижительными определениями (*стар муж негодяй, мужичищо-старичищо* и др.); старухи тоже выступают в качестве персонажей, но значительно реже (*старушоночки стары, мати старая старушка*). Часть слов и словосочетаний относится к традиционным поэтическим формулам (*красна девица, красна девка, девка бравая, красна девушка, млада девушка, бедна девушка, честна девушка, млада-младешенька, жона мужняя, родная мать, парень молодой, парень бравый*); часть — к поэтическим формулам романса и новой баллады (*мальчишка-парень, бедная сиротка, девушка красива, кругла сиротинка, девчонка беспечная*).

Первое лицо местоимения и перволичная форма глагола, казалось бы, однозначно увязывают автономинацию и поющего. Однако, как было сказано выше, эксплицированный в песенном тексте субъект речи, к которому относятся автономинации, и конкретный поющий по ряду параметров могут различаться.

О несовпадении субъектов речи по числу можно говорить, когда конструктивные элементы автономинации имеют форму единственного числа, а поющих бо-

---

фольклорно-антропологические экспедиции СПбГУ с 2007 г. проходят в Мезенском и Лешуконском районах Архангельской области. Автономинации присутствуют примерно в одной трети необрядовых песен, записанных на указанной территории в 2007–2014 гг. (в 205 текстах из 750). При подсчетах учитывались спетые или произнесенные речитативом песенные тексты.

⁴ Ср.: «Человек, который произносит предложение от первого лица, не может не изменить свою собственную социальную ситуацию уже просто потому, что тем самым разгласил какой-то свой поступок, свою мысль, свое чувство, свое намерение» [Розеншток-Хюсси, с. 136].

⁵ Под «необрядовыми» подразумеваются песни, исполнение которых не приурочено к каким-либо ритуалам. Помимо традиционных песенных жанров, под «необрядовыми песнями» в данной работе также понимаются популярные советские и современные эстрадные песни, поскольку они имеют фольклорный способ бытования. Функционирование автономинаций в обрядовых песнях имеет свою специфику и заслуживает специального исследования.

лее одного; о несовпадении по возрастной категории, — например, когда пожилая женщина в песне называет себя «млада-младешенька»⁶. Песни с «мужскими» определениями в автономинациях могут петь женщины. Так, романс «При саду, при долине», строка из которого вынесена в название данной статьи, в течение семи полевых сезонов (2007–2014 гг.) был записан от 14 женщин (1907–1961 годов рождения; две записи сделаны от трио, остальные — сольные)⁷. Каждая из этих женщин в песне назвала себя «мальчиком». Песни с «женскими» автономинациями могут петь мужчины. Например, от мужчин были записаны два варианта романса «Кругом, кругом осиротела» с автономинацией «ко бедной девушке, ко мне»⁸.

В песне на уровне текста может быть представлено несколько субъектов речи и автономинации могут принадлежать разным субъектам. Например, в песне «Сидела Катюшенька в светлой горенке одна» пять субъектов речи (Катюшенька, ее отец, купец, *морянин* и музыкант) и две автономинации («меня, красну девушку» и «у мя, у молодца»).

Обращение к полевым записям песен показало, что несовпадение поющих и автономинаций субъекта песенной речи по указанным параметрам наблюдается столь регулярно, что, видимо, является нормой для певческой практики, по крайней мере на протяжении последнего столетия⁹. Это говорит о том, что если и существуют ограничения в возможностях поименования себя посредством фольклорной песни, то они, видимо, не связаны с названными параметрами. Эти возможности определяются широтой индивидуального репертуара и предпочтениями поющего¹⁰. Индивидуальный репертуар обеспечивает поющего символическим языком для вербализации его личного опыта¹¹. Достаточно часто исполнитель усматривает сходство между песенной коллизией и своим опытом и указывает на него. Например, пожилая женщина, спевшая романс «При саду, при долине» о сироте, судьба которого — умереть на чужбине, поделилась с собирателями своими переживаниями по поводу того, что она вынуждена доживать свой век вдали от родных мест, в доме престарелых¹². В случае, когда исполнители не могут объяснить свои

⁶ По данным ФА СПбГУ, в необрядовых песнях наиболее часто встречаются автономинации с семантикой молодости. При этом песни с этими автономинациями были записаны от женщин в основном старше 50 лет, которые, если воспользоваться терминологией Т. А. Бернштам, принадлежат категориям «взрослые женщины» и «старухи» [Бернштам, с. 194]. Многие из них — участницы любительских хоров. Примечательно, что так же, как и выбор песен, их сценический облик во время выступлений ориентирован на образ девушки на выданье или молодки (об этом см. [Семенова; Никитина]).

⁷ В настоящее время поют на Мезени в основном женщины. В ходе семи полевых сезонов песни были записаны примерно от ста человек. Среди них 90 % — женщины. Большинство из них принадлежит поколению 1930–1950-х годов рождения.

⁸ М., 1927 г. р. ФА СПбГУ, Мез21-166; м., ок. 1960 г. р. Мез21-382.

⁹ Первые паспортизованные записи мезенских песен принадлежат участникам экспедиции секции крестьянского искусства Государственного института истории искусств, состоявшейся в 1928 г. Среди этих записей были обнаружены случаи «совпадения» субъектов речи по возрастной категории: например, песня «Лучше бы я, девушка» была записана от девушки 18 лет (Кабинет рукописей Российского института истории искусств. Ф. 112 П. I. Мезень. П. 1).

¹⁰ Помимо «общего» репертуара, состав которого определяется в ходе практики совместного пения, можно говорить о наличии «индивидуального» репертуара, т. е. набора песен, составляющих индивидуальную «песенную компетенцию» человека. Это песни, которые он знает и поет или просто записывает в свой песенник.

¹¹ Под личным опытом подразумевается телесный, социальный и психологический опыт.

¹² Ж., 1907 г. р., Мезенский р-н, Архангельская обл., 2007 г. ФА СПбГУ, Мез21-1.

«песенные предпочтения», представляется, что связь с личным опытом тем не менее присутствует, но имеет латентный характер. Полевые записи показывают, что один и тот же человек может поименовать себя различным образом, спев разные песни: например, в песне «Во пиру-то я была да во компаньюшке» женщина назвала себя «молодой», «младой», «бабой пьяной», «дурой хмельной», а в песне «Соловешка, парень молодой», которую она спела в другой раз, — «молodчиком»¹³.

Таким образом, по-видимому, референция между поющим и автономиями субъекта речи в песне является не установленной заранее, а динамической, в каждом акте исполнения песни она выстраивается заново, *здесь и теперь*.

В неформальной обстановке обычно поются любимые песни — те, с которыми связано что-то личное. В этом случае пение песни может быть приравнено к рассказыванию историй из личного опыта, в ходе которого проговаривается «жизненное кредо»¹⁴. Песенные автономии располагаются на границе личного и общего, являясь высказываниями о себе в форме первого лица на языке фольклорных общих мест¹⁵.

Литература

- Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: СПбГУ; Амфора, 2004. 312 с.
- Бернштам Т. А. «Хитро-мудро рукодельице»: (вышивание—шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / под ред. Т. А. Бернштам; сост. Л. С. Лаврентьева, Т. Б. Щепанская. СПб.: Петербург востоковедение, 1999. С. 191–250.
- Веселова И. С. Нарратология повседневности: от легенды до биографии: учеб.-метод. пособие. СПб.: филол. фак. СПбГУ, 2011. 37 с.
- Веселова И. С. Повседневные и символические практики: правила метафорического переноса. Охотники и добыча // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: филологический практикум / сост. С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 31–56.
- Никитина В. К. Концерт койнасского хора как перформанс // XVIII Междунар. конф. студентов-филологов. Филол. фак. СПбГУ, 6–11 апреля 2015 г. Программа. СПб., 2015. С. 54.
- Олсон Л., Адоньева С. Советские крестьянки (половозрастная идентичность: структура и история) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 24–39.
- Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008. 271 с. (Человек: между прошлым и будущим).
- Семенова А. С. Фольклорный хор на Мезени: поведенческие стратегии участниц // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: филологический практикум / сост. С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 119–131.
- Языковая номинация (общие вопросы) / под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1977. 359 с.

Для цитирования: Семенова А. С. «А я, мальчик, на чужбине позабыт от людей»: автореферентные номинации в необрядовых песнях // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 41–45. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.305.

¹³ Ж., 1918 г. р. ФА СПбГУ, Леш4-6, Леш7-2.

¹⁴ Ср. «Рассказывание вообще, а тем более рассказывание фольклорных историй, есть не только сообщение информации, но и манифестация жизненного *credo*» [Веселова 2011, с. 26].

¹⁵ Ср.: «В отношении смысла можно предположить, что говорящий не образует своего высказывания, а усматривает его в нем, особым образом организуя отношения между собственным опытом и дискурсивными стратегиями, данными ему для его организации <...> личные частушечные серии... создают персональную историю, представленную в общих, ратифицированных социумом, формулировках» [Адоньева, с. 55, 175].

References

- Adonyeva S.B. *Pragmatika Folkloru* [Folklore Pragmatics]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, Amfora Publ., 2004. 312 p. (In Russian)
- Bernshtam T.A. “Khitro-mudro rukodel’itse”: (vyshivanie — shiće v simbolizme devich’ego sovershennoletia u vostochnykh slavian) [“Sly-Wise Handicraft”: (Embroidery — Sewing in Symbolism of Girl Adulthood in Eastern Slavic People)]. *Zhenshchina i veshchestvennyi mir kul’tury u narodov Rossii i Evropy* [Woman and the World of Culture in Peoples in Russia and Europe]. Ed. by T.A. Bernshtam. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1999, pp. 191–250. (In Russian)
- Iazykovaia nominatsiia (obshchie voprosy)* [Nomination in Language (General Issues)]. Ed. by B.A. Serebrennikov. Moscow, Nauka Publ., 1977. 359 p. (In Russian)
- Nikitina V.K. [Concert of Koynas Choir as Performance]. XVIII International conference of students-philologists [18th International Conference of Philology Students (Faculty of Philology, SPbSU, April 6–11, 2015)]. Philological faculty, Saint Petersburg State University, 6–11 April, 2015. Conference Program. St. Petersburg, 2015, p. 54. (In Russian)
- Olson L., Adon’eva S.B. Sovetskie krest’ianki (polovozrastnaia identichnost’: struktura i istoriia) [Soviet Peasant Women (Gender and Age Identification: Structure and History)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], 2012, no. 117, pp. 24–39. (In Russian)
- Rozenshtok-Khiussi O. *Rech’ i deistvitel’nost’* [Speech and Reality]. Moscow, Labirint Publ., 2008. 271 p. (Chelovek: mezhdru proshlym i budushchim [A Man: Between the Past and Future]). (In Russian)
- Semenova A.S. Fol’klorny khore na Mezeni: povedencheskie strategii uchastnits [Folklore Choir in Mezen: Behaviour Strategies of the Female Participants]. *Kommunikativnye konventsii i sotsial’nye stsennarii: filologicheskii praktikum* [Communication Conventions and Social Scenarios: Philological Practicum]. Comp. S.B. Adonyeva, S.O. Kupriianova. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2014, pp. 119–131. (In Russian)
- Veselova I.S. *Narratologiia povsednevnosti: ot legendy do biografii* [Narratology of Everyday Life: From Legend to Biography]. St. Petersburg, Philological faculty (St. Petersburg State Univ.) Publ., 2011. 37 p. (In Russian)
- Veselova I.S. Povsednevnye i simbolicheskie praktiki: pravila metaforicheskogo perenosu. Okhotniki i dobycha [Everyday and Symbolic Practices: Rules of Metaphorical Transforming. Hunters and Prey] *Kommunikativnye konventsii i sotsial’nye stsennarii: filologicheskii praktikum* [Communication Conventions and Social Scenarios: Philological Practicum]. Comp. S.B. Adonyeva, S.O. Kupriianova. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2014, pp. 31–56. (In Russian)
- For citation:** Semenova A.S. “A ja, mal’chik, nachuzhbinepozabytotl’udej”: Self-nominations in Non-Ritual Songs. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 41–45. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.305.

Статья поступила в редакцию 23 октября 2015 г.

Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Семенова Антонина Сергеевна — аспирант; mercadera@yandex.ru

Semenova Antonina S. — Postgraduate; mercadera@yandex.ru